УДК 339.9

Ковалев С.Н.[1]

ДИСКУССИЯ О РАЗМЕРАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В РОССИИ

Тульский государственный университет

Kovalev S.N.

DISCUSSION ON THE SIZE OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE EARLY XX CENTURY IN RUSSIA

Tula State University

Аннотация. Статья посвящена историографическому обзору дискуссии о проблеме соотношения крупного и мелкого сельскохозяйственного производства в России.

Ключевые слова: аграрный вопрос в России, историография земельного вопроса в России, дискуссия о крупном и мелком сельскохозяйственном производстве в России, экономика дореволюционной России.

Abstract. The article is devoted to the historiographical review of the discussion on the problem of the ratio of large and small agricultural production in Russia.

Keywords: the agrarian question in Russia, the historiography of the land issue in Russia, the discussion of large and small agricultural production in Russia, the economy of pre-revolutionary Russia.

Земельный вопрос волновал умы передовых исследователей, публицистов и политических деятелей России на всем протяжении пореформенного времени. Внимание к нему обострилось в начале XX вв., когда на повестку дня встала проблема необходимости реформирования отечественного сельского хозяйства.

---

[1] Ковалев Сергей Николаевич — канд. эконом. наук, доцент, зав. кафедрой история государства и права института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».

В своих работах исследователи и публицисты поднимали самые разнообразные проблемы аграрного вопроса в России. Одним из важных вопросов была проблема соотношения крупного и мелкого сельскохозяйственного производства. Сторонники народнических идей главное внимание уделяли негативным сторонам крупного землевладения и отвергали право на существование крупного частновладельческого хозяйства. Они унаследовали в своих концепциях положение классиков народнической теории об устойчивости крестьянских хозяйств, об их способности противостоять конкуренции со стороны крупных хозяйств. Эти постулаты, в частности, являлись исходными в эсеровской концепции некапиталистической эволюции трудового крестьянства к социализму.

Проблемой соотношения крупного и мелкого сельскохозяйственного производства занимались многие отечественные и зарубежные исследователи начала XX вв. Подробнейшей разработке данный вопрос подвергся в работах ряда представителей отечественной экономической науки, идейно близких народническому течению: М. Безродного, Н.А. Каблукова, Н.А. Карышева, В.А. Косинского, Н.И. Огановского, А.В. Пешехонова, А.В. Чаянова, А.Н. Челинцева, В.М. Чернова, А.И. Чупрова и др.

Дискуссия о размерах сельскохозяйственного производства разделила исследователей на два лагеря: «за» и «против» мелкого крестьянского производства.

«За» мелкое сельскохозяйственное производство выступал член-корреспондент Петербургской Академии наук, доктор политической экономии, придерживавшийся либерально-народнических идей, Александр Иванович Чупров, считавший необходимым привлечение пустующих площадей для расширения мелкого крестьянского хозяйства. А.И. Чупров, признанный корифей отечественной экономической науки, считал, что 6 десятин на двор — это именно тот надел, который будет соответствовать потребительской норме большинства российских малоземельных губерний [17, с. 36]. Причем, если земельного надела до потребительской нормы не хватит, то А.И. Чупров наивно рекомендовал крестьянам затрачивать по 10—15 рублей в год на десятину для приобретения современных сельскохозяйственных орудий, применения минеральных удобрений, приобретения улучшенных сортов семян, чтобы крестьянские урожаи удвоились [17, с. 19]. Для А.И. Чупрова «единственным надежным способом решить не только для настоящего, но и для будущего времени все… великие экономические задачи и тем открыть сельскому люду пути к благосостоянию, является поднятие производительности земледельческого труда» [17, с. 21]. А.И. Чупров был убежден, что только путем быстрого внедрения сельско-

хозяйственной техники возможен успех аграрных преобразований и ликвидация проблемы малоземелья.

Выступая сторонником мелкого общинного крестьянского хозяйства, т. е. фактически с народническими идеями, А.И. Чупров отрицает необходимость экспроприации частновладельческой земли без выкупа, представая в этом вопросе как либерал. По его мнению, «захват чужого имущества неминуемо оттолкнет от крестьянского хозяйства… капиталы и уничтожит… для него все виды кредита» [17, с. 23], а этого допустить нельзя, так как улучшение положения крестьянства, по А.И. Чупрову, связано с повышением доходности земли и росте урожайности, а это немыслимо без прилива капиталов в сельское хозяйство [17, с. 24].

Выступая за принудительное отчуждение с выкупом земель, на которых владельцами не ведется никакого хозяйства; земель, представляющих для помещиков рентный фонд, А.И. Чупров, надеялся, что на месте этих запущенных площадей появятся эффективные крестьянские хозяйства.

Профессор Иван Александрович Стебут настаивал на таком наделении крестьян землей, чтобы сельскохозяйственное производство было всегда доходно [15]. Доходность крестьянских хозяйств И.А. Стебут пытался повысить организацией агрономической помощи. Так по его инициативе в 1894 году была учреждена должность губернского агронома. Он выступал в печати со статьями об агротехнике, растениеводстве, применении минеральных удобрений, интенсификации производства. Огромное внимание И.А. Стебут уделял развитию и организации сельскохозяйственного образования.

Выступая против земельной политики правительства, целью которой в первую очередь являлась интенсификация сельского хозяйства при сохранении частновладельческих имений, представители народнического лагеря указывали, что «путём увеличения заработков крестьян в помещичьих хозяйствах «очень трудно добиться» развития интенсивности», а само по себе «поднятие производительности земли происходит... медленно, и представляется мало возможным для большинства крестьян уже потому, что для интенсификации земледелия требуется определённый минимум землевладения, 8—10 десятин» [7, с. 222].

Профессор Александр Иванович Скворцов, поддерживавший правительственную аграрную политику, попытался вычислить, сколько же нужно земли, чтобы занять работой семью крестьянина и обеспечить удовлетворение всех его потребностей. Для минимального существования крестьянского хозяйства в начале XX века, по данным А.И. Скворцова, земельной площади необходимо было не менее 32—33 десятин. Исчис-

ленная А.И. Скворцовым норма земли, должна была быть признана предельной, трудовой нормой, т. е., отмечал он, — «семья… не может обработать большее количество десятин, и её работоспособность, как земледельческой семьи, будет совершенно насыщена» [14, с. 59]. Причем, с наступлением времени страды — периода сенокоса и следующей за ним жатвы хлебов, т. е. самой напряженной и тяжелой работы, для обработки данной запашки крестьянин должен был прибегать к найму рабочей силы. Но сделать это, по мнению А.И. Скворцова, может только владелец частного, отрубного хозяйства, который к тому же, сможет использовать удобрения и разнообразные культуры, в отличие от крестьянина-общинника. Эти выводы А.И. Скворцова стали предвосхищением аграрных преобразований П.А. Столыпина.

А.И. Скворцов критикует народнические идеи ликвидации частновладельческих хозяйств и передачи этих земель крестьянам-общинникам. Прибавка нескольких десятин земли не решила бы проблемы малоземелья крестьян, убежден А.И. Скворцов, а ликвидация частновладельческих помещичьих хозяйств привела бы к совершенному исчезновению сторонних заработков общинников.

Главным пунктом теоретических построений, исходя из которых, идеологи народничества подвергали критике частную поземельную собственность вообще и крупное землевладение в особенности, служил тот факт, что существует существенная разница в условиях приложения капитала к земле крупным предпринимателем и мелким крестьянином.

Целью крупного капиталистического помещичьего хозяйства, считали представители народнического направления, являлось получение земельной ренты и прибыли на затраченный основной и оборотный капитал. Целью же трудового крестьянина было создание необходимых средств существования и полное использование своего труда. Поэтому, отмечали народники, крупный землевладелец, который вёл хозяйство на капиталистических основах, не стал бы делать затрат, в том числе затрат на оплату наёмного труда, если они обещали только окупиться и не обещали ему нормальной прибыли и ренты. Народники считали, что крупный землевладелец не стал бы обрабатывать земли, которые по своему плохому качеству не обещали дать дохода, не стал бы делать связанных с интенсификацией хозяйства добавочных затрат, которые не обещали бы ему прибыли. Крестьянин же соглашался работать и «себе в убыток», совсем без всякой прибыли, т.к. ему выгоднее было приложить свой труд в своём хозяйстве, чем оставить его не использованным. Вот почему крестьянин мог обработать худшие по качеству или менее выгодно расположенные земли, не обещающие капиталисту прибыли, и, следовательно, доводил об-

работку земли до гораздо более высокой степени интенсификации, чем капиталистический хозяин; мог, следовательно, с данной площади получить большую массу продукта и больший валовой доход.

Народники, вслед за европейской социал-демократией (Э. Давид, Ф. Герц), говорили о преимуществах мелкого хозяйства перед крупным, предпринимательским. С конца XIX века проблема соотношения крупного и мелкого сельскохозяйственного производства стала центром горячей полемики из-за сомнений в справедливости марксистского подхода, так как крестьянское хозяйство обнаружило свою жизнеспособность. Ожидавшегося быстрого исчезновения мелкого сельскохозяйственного производства по формуле К. Маркса о вытеснении мелкого производства крупным не наступило. Из того, что в стоимость продукта крестьянского хозяйства, по мнению народников, прибыль и рента не входят, делался вывод о больших возможностях для развития производительных сил в мелком трудовом, чем в капиталистическом хозяйстве.

«Крестьянство, — писал экономист-народник, профессор Владимир Андреевич Косинский, — склонно вести своё хозяйство более интенсивно... и отнюдь не уступает крупному. В конечном итоге получается, что при крестьянском хозяйстве с определённой территории можно получить больше сельскохозяйственного продукта, и, следовательно, прокормить большее количество людей, чем при хозяйстве капиталистическом». Отсюда вывод: «переход земли из рук крупных (капиталистических) сельских хозяев в руки мелких, некапиталистических, в народно-хозяйственном отношении является выгодным» [8, с. 354].

Проведённое В.А. Косинским исследование крестьянского и помещичьего хозяйства позволило ему утверждать, что «ни в отношении машинной техники, ни в отношении техники удобрения, а при развитии кооперативных учреждений, и ни в отношении капитала (кооперация делала доступным для мелкого сельского хозяйства и крупные предприятия для переработки продуктов земледелия и скотоводства) крестьянское предприятие не стоит безусловно ниже крупного капиталистического». Разницу между крупным помещичьим и крестьянским хозяйством В.А. Косинский видел в том, что «на место 20 самостоятельных производительных рабочих наилучшего качества (в крестьянских предприятиях) в крупном хозяйстве являются 19 производительных рабочих худшего качества и один не производительный надсмотрщик. Вознаграждение последнего прибавляется к общему расходу на труд и приводит к тому, что крупное хозяйство, имея в своём распоряжении худшую рабочую силу, оплачивает её дороже, нежели мелкое...» [8, с. 477—478]. Поэтому крупное хозяйство в технико-экономическом отношении отнюдь не выше кре-

стьянского, более того, предполагалось, что интенсивность крестьянского хозяйства должна расти, причём сверх предела, доступного капиталистическому хозяйству.

Возражения против крупного хозяйства привёл и профессор Николай Александрович Карышев. Используя работы В. Чернова «Типы капиталистических и аграрных эволюций» [16]. и С. Булгакова «Капитализм и земледелие» [2], Н.А. Карышев сделал вывод о слабой производительности крупного хозяйства по сравнению с мелким. «Частные крупные хозяйства, — писал он, — ...дают плохие результаты часто вследствие небрежной наёмной администрации имения» [5, с. 60]. Крупное сельскохозяйственное производство всё более и более страдало от недостатка рабочих, поэтому существовала тенденция к подъёму заработной платы, что увеличивало и без того большую задолженность крупного землевладения [5, с. 63—64]. Вследствие этого происходило сокращение размеров крупного хозяйства путём распродажи имений участками или путём их дробления на более мелкие, что приводило к широкому распространению более мелкого производства [5, с. 73].

Выход из затруднительного положения крупного хозяйства некоторые землевладельцы видели в увеличении площади, раздаваемой в мелкую погодную аренду за счёт площади собственного капиталистического хозяйства владельца, то есть, указывал Н.А. Карышев, «распространения хищнической культуры за счёт рационального хозяйства. Почва для такого вывода, — писал он, — имелась всегда в росте населения и увеличении спроса на землю». В связи с этим исследователь отмечал регрессивный характер аграрной культуры латифундий, концентрирующих по несколько крупных имений в одних руках.

Аналогичной точки зрения придерживался и Макар Безродный. Рассматривая роль крупной земельной частной собственности в аграрной экономике России, он писал: «Крупная земельная собственность эксплуатирует свои имения двояким способом: или ведёт своё хозяйство при помощи батрачного труда, или сдаёт свои земли в аренду, причём господствует аренда краткосрочная, на один год» [1, с. 25]. Итак, при ведении своего хозяйства крупный землевладелец использовал малопроизводительный батрачный труд, который уступал труду крестьянина. Сущность же сельскохозяйственного прогресса, по мнению М. Безродного, заключалась в повышении сельскохозяйственной техники в целях добывания большего количества продуктов с того же пространства земли[1, с. 16].

Заканчивая перечень главных возражений против крупного хозяйства, Н.А. Карышев поддержал вывод С.Н. Булгакова: «Крупное хозяйство перестало идти во главе развития производительности земледелия, а вместе с тем теряет в своих размерах. Его истори-

ческую роль можно считать поэтому сыгранной» [5, с. 95—96]. По мере развития интенсивности хозяйства, считал Н.А. Карышев, должны уменьшаться средние размеры имений.

Заслугой мелкого хозяйства, по его мнению, являлось более равномерное распределение земельной собственности в стране, предупреждение больших конфликтов между земельным богатством и бедностью, между латифундиями и безземельем. «Мелкий самостоятельный производитель, — писал он, — не считается с колебаниями ренты и прибыли и потому производит дешевле всякого другого производителя» [5, с. 96]. Поэтому и производительность труда в мелком хозяйстве по сравнению с производительностью в крупном, гораздо больше.

Приобретение земли мелкими собственниками, по мнению Н.А. Карышева, «имело ещё и общественное значение, т. к. оно сокращало число рабочих, как сельскохозяйственных так и индустриальных, т.е. сокращало их конкуренцию между собой а, следовательно, удерживало от падения и способствовало подъёму заработной платы, улучшало их положение» [5, с. 106]. Возражения же против мелкого хозяйства заключались в увеличении цен на землю, а быстрый и крупный подъём арендной платы являлся чаще спутником мелкого, а не крупного съёма земли. К тому же чрезмерное дробление участков, «карликовые» хозяйства, чересполосица требовали массы непродуктивного труда [5, с. 134].

Критикуя парцельную систему европейского мелкого земледелия, Н.А. Карышев считал кооперацию разрешением противоречия между мелким и крупным хозяйством, «когда технические приёмы мелкого земледельческого производства используются в крупном хозяйстве» [5, с. 157].

Значительное внимание вопросу соотношения мелкого и крупного хозяйства уделил в своей работе и М. Безродный. Решительно и остро критиковал он кадетов — сторонников сохранения культурно-капиталистических помещичьих хозяйств. «Правда, — подчёркивал М. Безродный, — в России можно отметить четыре имения, которые имели культурное значение. Это — Смела графа Бобринского, Трубетчино — князя Васильчикова, Моховое (располагалось на территории Тульской губернии) — Шатилова и Батищево — Энгельгардта. Но имея только четыре эти имения для всей России, разве можно говорить о культурном значении частновладельческих хозяйств» [1, с. 29].

На основании всей совокупности приведённых выше соображений народники пришли к заключению, что крестьянское хозяйство оказалось вполне жизнеспособной формой сельскохозяйственного предприятия, способной, по мнению В.А. Косинского, «вынести невзгоды экономической жизни лучше, — не только так же хорошо, но даже лучше, —

чем капиталистическое предприятие, и притом формой, способной усвоить самую совершенную технику, самые лучшие способы ведения хозяйства и обработки земли» [6, с. 209].

Представители народнического течения не признавали никакого положительного значения помещичьего хозяйства и крупного землевладения. Вот почему и земельная реформа, по их мнению, могла быть проведена без серьёзных потрясений для сельского хозяйства в целом, тем более, если владельцы не вели своего хозяйства, а земля находилась в аренде у крестьян. «Если бы земля перешла от крупных собственников всему народу, государству, — писал В.А. Косинский, — то она могла бы по-прежнему оставаться в пользовании отдельных земледельцев, и форма земледельческого предприятия, способ земледельческого производства нисколько бы не изменился» [8, с. 520—521].

Сущность крупного помещичьего хозяйства народники сводили исключительно к эксплуатации крестьян путём кабальной аренды и кабального найма. И чем скорее, считали они, оно прекратит своё существование, тем будет лучше во всех отношениях, даже в производственном.

Против мелкого сельскохозяйственного производства выступал В.И. Ленин в работе «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», Херасков в исследовании «Крестьянство в буржуазной революции». П. Сорский в брошюре «О пути к общественному хозяйству», изданной в Нижнем Новгороде в 1906 г. не пророча мелкому хозяйству долгого будущего, полагал, что мелкое хозяйство будет обращаться в крупное не сверху, с помощью капитала, а снизу — усилиями самих трудящихся.

Следует отметить, что среди социал-демократов не было единой позиции по отношению к крупному частновладельческому хозяйству. Так З. Прихожан (З. Горевой), критикуя Н.А. Рожкова, писал: «Некоторые социал-демократы, например Н. Рожков, выступали против конфискации помещичьих земель, мотивируя это тем, что помещичье хозяйство представляет передовой капиталистический тип. Конфискация и раздел их, считал Н. Рожков, есть шаг назад, к мелкому хозяйству. Этот довод, — по мнению З. Прихожана, — опровергался тем, что в помещичьем хозяйстве преобладало «крепостнически-кабальное», а не капиталистическое производство» [11, с. 13—14].

Некоторые успехи капиталистического развития сельского хозяйства в годы столыпинской реформы нашли отражение в работах примкнувшего к социал-демократам Николая Александровича Рожкова. Он утверждал, что в России уже свершилось перерождение помещичьего, крепостнического хозяйства в буржуазное, капиталистическое, причём «дворяне приняли буржуазный облик, стали настоящими капиталистами-

предпринимателями. Исключение — хозяйства старого типа, — конечно, всё ещё есть, но число их быстро идёт на убыль» [13, с. 42].

С другой стороны, из среды социал-демократической партии выделилось течение, которое ещё решительнее становилось на защиту если не крупной земельной собственности, то капиталистического хозяйства и желало именно его использовать в целях социализации сельскохозяйственного производства. Это течение, представителем которого являлся Николай Валентинович Валентинов. В самой решительной форме Н.В. Валентинов настаивал на важном народно-хозяйственном значении крупных капиталистических хозяйств, и не только культурно-капиталистических хозяйств, но и вообще всех помещичьих хозяйств, урожайность которых превышала урожайность крестьянских земель вдвое и больше. С точки зрения Н.В. Валентинова, устранению подлежал не владелец хозяйства, а его бесконтрольное право собственности. Государство должно было оставить владельцев вести хозяйство, но взять в общественную пользу земельную ренту. В таком случае была бы достигнута «национализация помещичьей земли в пределах права» [3].

Другие, как, например, Н.А. Рожков, утверждали, что рента вредна только «в типичном отработочном (кабальном) хозяйстве», которое, действительно, не только не являлось залогом дальнейшего хозяйственного прогресса, но, напротив, задерживало этот прогресс; что уничтожение ренты в имениях, где владелец являлся и хозяином предприятия, должно было неизбежно задержать необходимую в интересах наступления будущего строя капитализацию и концентрацию земледелия [12].

Значительное внимание проблеме соотношения крупного капиталистического помещичьего и мелкого продовольственного крестьянского хозяйства уделил в своих работах Пётр Павлович Маслов. Он решительно отвергал все попытки Э. Давида, Ф. Герца, С.Н. Булгакова и других исследователей доказать жизнеспособность мелкого хозяйства и настаивал на существовании стремления, «тенденции к развитию производительных сил посредством технического прогресса», для чего требовалась «технически более целесообразная организация труда в отдельных хозяйствах, организация крупных предприятий».

«Пора бы, — говорил П.П. Маслов, — понять, что можно защищать крестьянина и не защищать формы мелкого производства, и обратно: считать крупное производство наиболее прогрессивной формой и не быть защитником крупных собственников». Свой анализ экономического положения пореформенной деревни и борьбы крестьянства против помещиков П.П. Маслов свел к борьбе крупного и мелкого, капиталистического и продовольственного хозяйств.

Капиталистическое земледельческое хозяйство, т. е. хозяйство, которое пользуется наёмным трудом для получения прибыли, отмечал П.П. Маслов, ведёт постоянную борьбу из-за земли с крестьянским продовольственным хозяйством, которое нацелено на добывание предметов потребления крестьянской семьи. Причина борьбы заключается в том, что мелкое хозяйство, не имея достаточно земли, принуждено арендовать её у крупных землевладельцев.

Следовательно, на одних и тех же землях может вестись или капиталистическое хозяйство землевладельца, капиталиста-арендатора, или мелкое хозяйство посредством продовольственной аренды. Победа того или другого типа хозяйства зависела, по мнению отечественного исследователя, исключительно от того, какая форма аренды, т. е. какой тип хозяйства дает землевладельцу большую ренту. Если повысится капиталистическая рента, если капиталист-арендатор уплатит большую ренту, чем мелкий арендатор, то землевладелец сдаст землю капиталисту или будет вести свое хозяйство, чтобы в нем получить капиталистическую ренту сверх обычной предпринимательской прибыли. Если продовольственная рента будет значительно выше капиталистической, то, как указывал П.П. Маслов, землевладелец будет сдавать землю в аренду крестьянам, ведущим продовольственное хозяйство. Следовательно, законы роста капиталистической и продовольственной ренты определяют исход борьбы крупного и мелкого хозяйства. Условия, ведущие к повышению капиталистической ренты, приводят к победе капиталистического хозяйства; условия же, ведущие к повышению продовольственной ренты, дают победу продовольственному хозяйству, которое будет вытеснять капиталистическое [10]. Капиталистическая рента растет при повышении производительности труда в земледелии и при повышении хлебных цен. При этом в обоих случаях рента растет в большей степени, чем повышается производительность труда или хлебные цены.

Продовольственная же рента растет при противоположных условиях. Для продовольственного хозяйства необходимость аренды возрастает по мере падения производительности земледельческого труда в собственном хозяйстве, по мере того, как при росте количества рабочих рук в хозяйстве количество добываемых продуктов не увеличивается ими, а если и увеличивается, то не в такой степени, в какой растут рабочие силы крестьянской семьи. Рост продовольственной ренты не может продолжаться безгранично. Крестьянское хозяйство в состоянии продолжать из года в год продовольственную аренду только в том случае, если по уплате аренды ему остаются необходимые средства для существования [10, с. 4].

«Продовольственная рента вследствие конкуренции крестьян арендаторов, — считал П.П. Маслов, — может повыситься до разницы между суммой необходимых для су-

ществования населения продуктов и суммой продуктов, которые крестьяне производят на своей и на арендованной земле. Когда производительность труда падает (неурожай), приходится уплачивать аренду уже из основного капитала (инвентаря), под угрозой потери аренды. Но при разорении, когда нечего продавать, этот путь сохранения аренды становится невозможным, и у крестьян является только два выхода во избежание голодной смерти: первый выход — понижение аренды законодательным или насильственным путем и другой выход — отобрать совсем землю у помещиков» [10, с. 15]. Между тем, понизить аренду при конкуренции капиталистического хозяйства чрезвычайно трудно; поскольку капиталист дает высшую аренду, то крестьянам представлялся единственный путь — переход помещичьих земель в пользование крестьян посредством их раздела [10, с. 15].

Подводя итог борьбы капиталистического и продовольственного хозяйств, П.П. Маслов отмечал, что до начала XX в. мелкое продовольственное хозяйство успешно боролось с капиталистическим, арендуя помещичьи земли и вытесняя в большинстве случаев и капиталистическую аренду и капиталистическое помещичье хозяйство. Но это было достигнуто ценой полного разорения и обнищания мелкого хозяйства. Однако иным путем ему победить при свободной конкуренции было невозможно. Развитие индустрии тормозилось государственной бюрократией и недостаточным вследствие обнищания населения развитием внутреннего рынка. Земледельческое население вынуждено было держаться за землю, так как других заработков для него не было. «Победа» мелкого продовольственного хозяйства над капиталистическим, победа, которой восторгались народники, привела, по мнению П.П. Маслова, мелкое хозяйство к кризису, из которого крестьянство и искало выхода в различных формах аграрного движения [10, с. 19].

В пореформенную эпоху успех борьбы мелкого хозяйства с крупным определялся арендными ценами. Пока продовольственное хозяйство могло платить более высокую аренду, чем хозяйство капиталистическое, оно удерживало в своих руках арендованные земли. Но лишь только такая возможность исчезла, борьба на почве рыночной конкуренции стала невозможной [10, с. 138—139].

До 1880-х годов повышение арендных цен тяжелее всего отражалось на наиболее слабых хозяйствах, переходивших в разряд беспосевных. Выпадение группы наиболее слабых хозяйств не приводило к общему кризису в то время, потому что среднее крестьянство могло продолжать аренду. Но повышение аренды начало происходить уже за счет сокращения средств производства, и всё большая и большая часть крестьянских хозяйств удерживала в своих руках аренду ценой перехода в разряд экономически слабых.

Та часть арендаторов, указывал П.П. Маслов, которая в 1870—1880 гг. состояла из «середняков», устойчивых хозяев, в 1890-х годах представляла из себя уже группу двухлошадных, однолошадных и даже безлошадных хозяйств, которые, при дальнейшем повышении арендных цен, должны были уже выйти из числа арендаторов, так как средства производства у них сократились до минимума. Между тем, отмечал П.П. Маслов, повышение ренты и в 1890-х годах происходило не только вследствие конкуренции продовольственных хозяйств, но и вследствие повышения ренты капиталистической [10, с. 139]. Во многих местах, перед революцией 1905—1907 гг., считал он, отмечался переход землевладельцев к более интенсивному капиталистическому хозяйству или к передаче земли в аренду капиталистам-арендаторам. Продовольственное хозяйство должно было отступить, так как не могло выдержать дальнейшего повышения арендных цен. Между тем, такое отступление широких слоев крестьян-арендаторов грозило им голодной смертью. Если бы продовольственное хозяйство могло и дальше конкурировать с капиталистическим и еще повысить арендную плату, то, заявлял П.П. Маслов, землевладельцы не переходили бы к расширению собственных запашек. Но повышение арендных цен, которое произошло перед революцией, отрезало возможность широким слоям крестьянства продолжать аренду, так как доплачивать её было уже не из чего [10, с. 139—140]. Сам же процесс повышения продовольственной ренты сознавался крестьянами как процесс разорения, с которым можно бороться или понижением арендной платы или разделом помещичьих земель.

Таким образом, главной причиной крестьянского движения П.П. Маслов считал кризис продовольственного хозяйства, при котором крестьяне были не в состоянии арендовать по повышенным ценам помещичьи земли [10, с. 168].

По оценке Юрия Ларина, наследники народников, социалисты-революционеры, ограничивали аграрные преобразования поддержкой мелких самостоятельных крестьянских хозяйств и стремились превратить в самостоятельных мелких производителей даже ту долю крестьянства, которая уже обратилась в сельских и иных рабочих [9, с. 93]. Таким образом, предлагаемые социалистами-революционерами меры закрепляли в деревне господство мелкого производства. Причём социалисты-революционеры требовали передачи в уравнительное пользование между всеми крестьянами решительно всех земель, в том числе и крупных хозяйств с наёмными рабочими. «Иначе говоря, — писал Ю. Ларин, — социалисты-революционеры требуют в форме “трудового” крестьянского землепользования расширение мелкого хозяйства на всю Россию» [9, с. 93].

Социал-демократы, напротив, предлагали не разбивать крупные хозяйства на мелкие, а желая освободить все земледельческие хозяйства от крепостнических поборов, стесняющих их развитие, требовали отобрать у крупных владельцев те земли, на которых в действительности и теперь ведут мелкое хозяйство крестьяне, являются ли они арендаторами или «отработочными» работниками со своим инвентарём [9, с. 64].

Конфискация частновладельческих земель, занятых «крупными производительными капиталистическими хозяйствами», мыслилась социал-демократами отнюдь не для раздела их между мелкими хозяевами. В то время как средняя производительность мелкого крестьянского хозяйства на своей или арендованной земле не достигала и 30 пудов с десятины, средняя производительность капиталистического сельского хозяйства превышала в России 50 пудов. «Заменять более производительное хозяйство менее производительным, сокращать этим производство на 200—300 млн. пуд. хлеба в год и настолько, следовательно, сокращать спрос на продукты обрабатывающей промышленности и, отсюда, на рабочие руки и этим ухудшать условия труда наёмных рабочих, — считал Ю. Ларин, — никогда не входило в задачи социал-демократии» [9, с. 64].

Более того, Ю. Ларин указывал, что, согласно официальной статистике, средний крестьянский заработок с десятины частновладельческой земли в Европейской России составлял 7,5 руб., а валовая доходность десятины надельной земли для Европейской России при собственном хозяйстве крестьянина равнялась 9 руб. 35 коп. Таким образом, делал вывод марксистский исследователь, «если принять во внимание неизбежные при собственном хозяйстве расходы на скот, орудия, семена..., то чистый доход крестьянина, “самостоятельно” ведущего малопроизводительное мелкое хозяйство..., окажется меньше дохода наёмного рабочего в крупном хозяйстве» [9, с. 65]. Поэтому Ю. Ларин заявлял: «Конфискуя все помещичьи земли, как крепостнические, так и занятые капиталистическим хозяйством, социал-демократы не собираются делить капиталистические поместья на мелкие хозяйства» [9, с. 663].

Проблема соотношения крупного и мелкого хозяйства в аграрном секторе экономики представляла большой интерес и для известного публициста, видного представителя партии кадетов М.Я. Герценштейна. «Крупное хозяйство производит дешевле, лучше и больше, и потому земля имеет для него большую ценность, — отмечал он. Напротив, мелкое крестьянское хозяйство, вследствие всемогущества капитала, влияния науки, хода действительности и интересов всего общества бесповоротно и беспощадно обрекается на постепенную гибель» [4, с. 4]. Исчезновение мелкого хозяйства представлялось ему неиз-

бежным. Крупное хозяйство в земледелии оказывало революционное воздействие, вследствие того, что уничтожало опору старого строя — крестьянина и заменяло его батраком.

Взгляды на значение мелких хозяйств изменились под воздействием следующих событий: «Во-первых, — отмечал М. Я. Герценштейн, — это технические усовершенствования, во-вторых, индивидуалистическое преследование собственных интересов сменилось общественною организациею. Кооперация в сельском хозяйстве получила такое широкое распространение, о котором не могли прежде и мечтать» [4, с. 15].

Главное различие между народниками и социал-демократами заключалось в том, что для эсеров на первом плане выступали интересы «мелкого хозяйствующего трудового крестьянства», а для социал-демократов — «класса наёмных рабочих с примыкающими к нему слоями», поэтому передача земли крестьянам имела главной целью уничтожение остатков крепостничества и обеспечение в интересах пролетариата свободного развития классовой борьбы в деревне и в городе.

Народники отмечали более высокую экономическую эффективность мелкого сельскохозяйственного производства по сравнению с крупным и являлись убеждёнными сторонниками общинного землепользования. Представители народнического направления объективно были выразителями стремлений российского крестьянства к радикальной ломке сложившихся аграрных отношений.

Отечественная социал-демократия решительно отвергала все попытки народников и части марксистов доказать жизнеспособность мелкого хозяйства и отстаивала превосходство крупного производства. Следует отметить, что и среди социал-демократов не было единой позиции по отношению к крупному капиталистическому помещичьему землевладению. Так, Н.В. Валентинов и Н.А. Рожков выступали против конфискации и раздела помещичьих земель, мотивируя это важным народнохозяйственным значением крупных капиталистических хозяйств. Однако большая часть социал-демократических авторов (Ю. Ларин, В.И. Ленин, П.П. Маслов и др.), выступая за конфискацию помещичьих земель, не предлагали делить крупные капиталистические поместья на мелкие хозяйства, а писали о необходимости создания на их базе крупного сельскохозяйственного производства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безродный М. Частная земельная собственность с точки зрения народного, всемирного хозяйства, сельскохозяйственного прогресса, человеческих потребностей, государства и народного труда. М., 1906.

2. Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. СПб.,1900. Т. 1—2.

3. Валентинов Н.В. Пути решения аграрного вопроса. М., 1906.

4. Герценштейн М.Я. Аграрный вопрос в программах различных партий. М., 1906.

5. Карышев Н.А. Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М., 1905.

6. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М., 1918.

7. Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных Думах России. 1906—1907. М., 1996.

8. Косинский В.А. К аграрному вопросу. Одесса, 1906. Вып. 1.

9. Ларин Ю. Крестьянский вопрос и социал-демократия. СПб., 1906.

10. Маслов П.П. Аграрный вопрос в России. СПб., 1908. Т. 2.

11. Прихожан З. (Горевой З.). Критический обзор аграрных проектов земцев, кадетов, трудовиков, социалистов-революционеров и социал-демократов. СПб., 1906.

12. Рожков Н. Проект социал-демократической аграрной реформы. М., 1906.

13. Рожков Н.А. Современное положение аграрного вопроса в России // Наша заря. 1913. № 6.

14. Скворцов А.И. Аграрный вопрос и Государственная Дума. М., 1906.

15. Стебут И.А. Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса», СПб., 1906.

16. Чернов В.М. Типы капиталистических и аграрных эволюций // Русское богатство. 1900. № VI.

17. Чупров А.И. К вопросу об аграрной реформе. М., 1906.

REFERENCES

1. Bezrodnyj M. CHastnaja zemel'naja sobstvennost' s tochki zrenija narodnogo, vsemirnogo hozjajstva, sel'skohozjajstvennogo progressa, chelovecheskih potrebnostej, gosudarstva i narodnogo truda. M., 1906.

2. Bulgakov S. N. Kapitalizm i zemledelie. SPb.,1900. T. 1—2.

3. Valentinov N.V. Puti reshenija agrarnogo voprosa. M., 1906.

4. Gercenshtejn M.JA. Agrarnyj vopros v programmah razlichnyh partij. M., 1906.

5. Karyshev N.A. Iz literatury voprosa o krupnom i melkom sel'skom hozjajstve. M., 1905.

6. Kaufman A.A. Agrarnyj vopros v Rossii. M., 1918.

7. Kozbanenko V.A. Partijnye frakcii v I i II Gosudarstvennyh Dumah Rossii. 1906—1907. M., 1996.

8. Kosinskij V.A. K agrarnomu voprosu. Odessa, 1906. Vyp. 1.

9. Larin JU. Krest'janskij vopros i social-demokratija. SPb., 1906.

10. Maslov P.P. Agrarnyj vopros v Rossii. SPb., 1908. T. 2.

11. Prihozhan Z. (Gorevoj Z.). Kriticheskij obzor agrarnyh proektov zemcev, kadetov, trudovikov, socialistov-revoljucionerov i social-demokratov. SPb., 1906.

12. Rozhkov N. Proekt social-demokraticheskoj agrarnoj reformy. M., 1906.

13. Rozhkov N. A. Sovremennoe polozhenie agrarnogo voprosa v Rossii // Nasha zarja. 1913. № 6.

14. Skvorcov A.I. Agrarnyj vopros i Gosudarstvennaja Duma. M., 1906.

15. Stebut I.A. Neskol'ko myslej i soobrazhenij po povodu agrarnogo voprosa», SPb., 1906.

16. CHernov V.M. Tipy kapitalisticheskih i agrarnyh jevoljucij // Russkoe bogatstvo. 1900. № VI.

17. CHuprov A.I. K voprosu ob agrarnoj reforme. M., 1906.

Рецензент:

Дубоносов Е.С., зав. кафедрой, д-р юр. наук, проф. Тульского государственного ун-та.